

А.С. Сенявский

д.и.н., гл.н.с., Институт экономики РАН, Москва

УРБАНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СССР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Российский урбанизационный процесс в XX в. реализовывался в основном в рамках советской системы. Революционная катастрофа 1917 г. обрушила имперские структуры и институты, привела к хозяйственной разрухе и частичной дезурбанизации. Однако социальный хаос был реструктурирован на новых основаниях, раскрепостивших социальную энергию большинства населения, состоявшего из ранее «нижних классов», и направивших их на решение модернизационных задач под лозунгами социалистического строительства. Советская «идеократическая» государственность с новыми нормами и практиками превратилась в ключевой институт, определяющий содержание и темпы преобразований, включая экономическое развитие.

При всех отличиях советская урбанизация была преемственна имперской. Принципиальным отличием стало доминирование экономических при влиянии некоторых идеологических факторов. После свертывания «компромиссного» НЭПа, не способного обеспечить индустриальный рывок, СССР перешел в режим форсированного развития на базе плано-мобилизационной модели для решения стратегической задачи – преодоления технико-экономического отставания от враждебных «империалистических держав». Урбанизация в этих условиях развивалась в зависимости от размещения в пространстве «производительных сил».

За семь советских десятилетий урбанизация России продвинулась значительно дальше, чем за предшествующее тысячелетие. На основе преобразования экономики из преимущественно аграрной в индустриальную произошел «урбанизационный переход» – превращение общества из сельского в городское. Городской стала и экономика. Именно в городах формировались и концентрировались виды деятельности и отрасли хозяйства, определявшие научно-технический прогресс, а с 1960-х гг. создавалась доминирующая часть ВВП, проживало большинство населения.

Именно город явился главным средоточием проблем и противоречий советской системы. Он же стал источником и базой крайне противоречивых перемен, стартовавших со второй половины 1980-х гг., в том числе в основном негативно повлиявших и на перспективы постсоветского урбанизационного процесса.

Ключевые слова: советский город, экономика, форсированное развитие, плановая мобилизационная модель, урбанизационный процесс, городское общество.

Классификация JEL: N53, N54, N93, N94, R12.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10211

Советский период как исторический контекст урбанизации

Советский период российской истории пришелся на тот этап российского урбанизационного процесса (как части общемирового), который может быть назван «урбанизационным переходом», и, будучи зарожден еще в недрах Российской империи, получив толчок от буржуазного «промышленного переворота», он состоялся в основном в рамках советской системы. Грандиозные общественные потрясения 1914–1920 гг. и выросшая из них

советская система повлияли на содержание и ход российского урбанизационного процесса не только ситуационно, но и кардинально, стратегически, на $\frac{3}{4}$ века вперед.

Советское государство возникло из социальной катастрофы. Мировая война стала детонатором давно назревавшей революции, которая в феврале 1917 г. снесла царскую монархию, упразднила империю, начавшую обваливаться как единое институциональное и геополитическое образование и окончательно рухнувшую после нового октябрьского переворота. Леворадикальная стадия революции вскоре вызвала иностранную интервенцию и гражданскую войну, разорвавшие страну на многочисленные квазигосударственные осколки с краткосрочными властными режимами разнообразной политической ориентации, обрушила экономику, вызвала хозяйственную разруху, деиндустриализацию и частичную дезурбанизацию, депопуляцию многих территорий и городов, нищету и голод, и в целом – цивилизационную и социальную деградацию страны.

Однако левые радикалы-большевики вышли победителями в великом политическом, социальном и военном потрясении, воссоздали единую (но свою, «нового типа») государственность на большей части прежней империи и стали реализовывать социальный проект, который, как они его позиционировали, идеологически вытекал из марксистской доктрины, но в действительности во многом ей противоречил. На практике они вынуждены были проводить «реальную политику», которую им диктовали объективные условия, определявшиеся, во-первых, объективным местом России, веками занимаемым ею в совокупности цивилизационных, геополитических и экономических отношений страны в мире; во-вторых, историческими условиями начала 1920-х гг., и, лишь в-третьих, корректировавшуюся их собственными идеологическими установками. Но и они во многом постепенно подвергались изменениям и ревизии, приспособляясь к реалиям.

Превратившись из приверженцев не свершившейся мировой пролетарской революции в государственников, вынужденных строить «социализм в отдельно взятой стране» и во враждебном капиталистическом окружении, большевики должны были, пусть и на иных институциональных и организационных началах, возродить экономику. Они продолжили преемственный имперской политике курс на модернизацию страны, но теперь уже опираясь не на «высшие» сословия, а на низшие категории населения, являвшиеся подавляющим большинством народа – рабочий класс (поначалу немногочисленный) и крестьянство. И ранее небольшие культурные, образованные слои теперь «скукожились» до ничтожно малых величин. Но власть, взявшая курс на подготовку своих социально близких профессиональных кадров, обладала неисчерпаемым социальным резервом, открыв шлюзы для массовой социальной мобильности: для перемещений из сел в города, продвижения неграмотных и неквалифицированных масс в образованные кадры, из крестьян – в городские рабочие, из тех и других – в управленцы, из трудящихся всех слоев – в новую рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

Отказавшись от экстремальной политики «военного коммунизма», а затем и от заменившего ее компромиссного НЭПа, оказавшегося способным восстановить народное хозяйство на основе возвращения в строй старых производственных фондов, но непригодного для форсированного развития, к концу 1920-х гг. Советская власть взяла курс на индустриальный рывок и радикальное преобразование города и деревни, идеологически оформленные как строительство социализма. Но главным стимулом для этого курса были внешние факторы – катастрофическое экономическое отставание от передовых (и враждебных СССР) держав и угроза новой большой войны, неизбежность которой ясно осознавали. «Догнать и перегнать» было не только лозунгом, но и четко определенной стратегией, подкрепленной политической волей. Индустриальная модернизация стала стержнем социально-экономического курса внутренней политики, социалистическая направленность преобразований – их идеологическим содержанием, а кадровая политика опоры на «союз

рабочих и крестьян» – инструментом, обеспечивавшим массовую поддержку власти со стороны большинства народа [Сенявский, 1987].

Это дало огромный толчок раскрепощению социальной энергии, массовому энтузиазму «строителей социализма», стремлению не только поднять страну из руин гражданской войны, но и превратить ее в передовую могучую державу, способную надежно обеспечить свою безопасность, гарантировать улучшение народной жизни и поддержать за границей борьбу «братьев по классу». Политический террор, выросший из взаимной практики гражданской войны и направленный сначала в основном против «социально чуждых» и «бывших», лишь во второй половине 1930-х гг. был обращен против выдвигенцев революции, новой «рабоче-крестьянской» элиты и примыкавших к ней слоев. Он отражал борьбу за власть и не был столь массовым, как представляла его мифологизированная «либеральная» публицистика конца 1980–1990-х гг.

Сутью стратегии развития СССР конца 1920-х – 1930-е гг. была всесторонняя подготовка к «большой войне»: повышение управляемости огромной, разнородной во многих отношениях страны; социально-политическое сплочение народных масс вокруг центральной власти; обеспечение материально-технической базы обороноспособности через строительство заводов и фабрик, создание новых производств и целых отраслей, реконструкция старых предприятий; формирование профессиональных «социально-близких» и верных Советской власти кадров для всех отраслей народного хозяйства, сферы управления, системы образования. В этом контексте и социалистическое преобразование деревни – коллективизация – решала несколько задач: повышала степень контроля над крестьянским миром и возможность изъятия ресурсов для нужд индустриализации, города и армии, в перспективе позволяла повысить уровень технической оснащенности, внедрения более эффективных форм организации производства, научно обоснованных технологий и т.п., роста производительности труда и объемов производства в сельском хозяйстве. Именно в этот период сформировался механизм советской урбанизации, который был тесно связан к социалистической индустриализации и включал в себя плановое размещение по стране и развитие различных производств, обеспечение их кадрами, и в этом контексте – привлечение из сельской местности трудовых ресурсов, создание системы профессионального образования (от низших профучилищ до высших учебных заведений), инфраструктурное и жилищное строительство и т.д.

Великая Отечественная война вновь перевела страну в режим выживания, нанесла колоссальный урон совокупному потенциалу СССР, но предшествующее развитие стало фундаментом победы, которая была омрачена очередным переходом в экстремальный режим внешнего противостояния – вовлечением сразу же по окончании Второй мировой в холодную войну со всем Западом и вынужденным участием в гонке вооружений, которые продолжались вплоть до начала 1990-х гг. Лишь к началу – середине 1950-х гг. в основном удалось восстановить экономику, демографический потенциал, хотя наследие войны ощущалось многие десятилетия.

Таким образом, почти весь период 1920-х – середины 1950-х гг. характеризовался экстремальными условиями и возведением чрезвычайных мер в норму, что не могло не повлиять на механизмы, процесс и результаты городского развития. Элементы экстремальности сохранялись и много позже.

В период правления Н.С. Хрущева из позитивных результатов можно отметить преимущественно те, которые стали следствием реализации предыдущих наработок: прорыв в космос, атомная энергетика, развитие химической промышленности, внедрение индустриальных методов жилищного строительства. Многочисленные эксперименты имели итогом в основном дезорганизацию народного хозяйства, растрату средств, которые можно было использовать с намного большей эффективностью (освоение целины, децентрализация управления и др.). На смену прагматизму пришла реанимация коммуни-

стического романтизма, фантастические прожекты о построении коммунизма за два десятилетия и т.п. Но темпы экономического роста были весьма высоки, а города сохраняли стимулы для развития.

Период правления Л.И.Брежнева начался с противоречивой хозяйственной реформы 1965 г., свернутой в контексте подавления Пражской весны, продолжился попыткой снизить накал международной напряженности (политика «разрядки»), усилением консерватизма внутренней политики 1970-х (за что позднее получил ярлык «застоя»), вводом войск в Афганистан и, наконец, очевидными кризисными явлениями в советской экономике начала 1980-х гг., которым предшествовало неуклонное снижение темпов экономического роста от пятилетки к пятилетке. Череда смертей высших партийно-государственных руководителей начала 1980-х гг. закончилась приходом к власти М.И.Горбачева, начавшего «перестройку» под лозунгом «больше социализма, больше демократии», на деле обернувшейся геополитической катастрофой – развалом всего «социалистического содружества» и самого СССР и капиталистической реставрацией.

Ход урбанизационного процесса в разной степени так или иначе был связан со всеми этими событиями и историческими поворотами. Основные его механизмы не сильно менялись с 1930-х гг., вектор развития сохранялся стабильным при некоторых ускорениях или замедлениях темпов на разных этапах советской истории.

Экономика в комплексе механизмов советского урбанизационного процесса

Высокая и относительно стабильная динамика роста городов была обусловлена в целом поступательным развитием советской экономики, являвшейся материальным фундаментом и центральным звеном в системе механизмов советской урбанизации.

Следует констатировать, что, несмотря на разрыв исторической преемственности революцией и ее последствиями в ряде областей жизни страны (крах имперского государства, ликвидация рыночных отношений, слом социальной структуры с уничтожением целых сословий и классов, и др.), некоторые фундаментальные, ключевые явления, определяющие развитие города и урбанизации в целом, были воспроизведены. Центральная власть (более жесткая, чем при империи) осталась главным «градообразующим субъектом», определявшим, где, какие города строить, как им развиваться, причем масштаб, степень и глубина государственного вмешательства и контроля неизмеримо возросли, а диапазон инструментов расширился: от прямых распоряжений из центра до жесткого нормирования различных «мелочей».

Советская идеократическая (и прогрессистская!) система не могла отменить универсальных законов техногенной цивилизации, которым подчинен урбанизационный переход. Она лишь предложила свои формы их реализации, социально-экономического воплощения, приложенного к специфической российской почве. *Коммунистическая система советского образца не изменила основного вектора движения российского общества, включая и урбанизационный процесс. Главное, что система предложила в данной области, – подчинение процесса предельно жесткому государственному регулированию в определенной идеологической «упаковке» и в контексте реализации левого социального проекта, ставшего основой форсированного преодоления отставания России от стран первого эшелона индустриальной модернизации. Урбанизация, будучи универсальным явлением новейшего времени, в советской модели социализма приобрела свое социальное содержание и особый государственный движущий механизм (подробнее см.: [Сенявский, 2003]).*

Со второй половины 1920-х гг. вынужденно формировался курс экономического рывка на основе складывавшейся планово-мобилизационной модели экономического

развития, которая достигла апогея в 1930–1950-е гг., но, даже постепенно трансформируясь и угасая, в целом сохранялась до конца 1980-х гг. Эта модель опиралась на массовую социальную базу ранее низших классов (рабочих и крестьян) и систему идеологем, сформированную тогда же и с некоторыми изменениями действовавшую на протяжении всей советской эпохи.

Мобилизационная модель развития выросла не столько из коммунистической идеологии, сколько из объективного положения страны как «осажденной крепости», в котором первенство «классового противостояния» было лишь видимостью, а реально доминировали геополитические и геоэкономические факторы в контексте межвоенного обострения международных противоречий, неумолимо толкавших мир к новому туру мировой войны.

Форсированная индустриализация явилась материальной основой советского урбанизационного процесса, главной движущей силой которого стало размещение в пространстве новых производств, строительство заводов и фабрик, на которые привлекались огромные контингенты недавних сельских жителей, из крестьян становившихся рабочими, техниками и инженерами, новой интеллигенцией, служащими госорганизаций. Города «втягивал» сельских мигрантов, которые, в свою очередь, выталкивались из деревни условиями советской сельской жизни (сплошная коллективизация, раскрестьянивание села, ставшие главным фактором беспрецедентной подвижности сельского населения, его массового выброса в города, на стройки первых пятилеток).

Этот механизм, сложившийся в 1930-е гг., продолжал действовать и в середине 1950–1960-х гг., когда он был дополнен свертыванием личного подсобного хозяйства, укрупнением колхозов и ликвидацией «бесперспективных» деревень и др. Этот механизм выталкивания из деревни и одновременного привлечения в города, обусловленный масштабным промышленным, транспортным, инфраструктурным строительством, кардинальными различиями в уровне и качестве жизни города и деревни, продолжал действовать, с теми или иными вариациями, и позднее, в 1970–1980-е гг. (подробнее см.: [Сенявский, 1995]).

Также и механизм градостроительства, сложившись в 1930-е гг., с некоторыми корректировками продолжал действовать на протяжении всего советского периода. Он заключался в том, что планово-централизованное размещение производств по территории СССР оборачивалось хаотической инфраструктурной и жилищной застройкой на местах. То есть в городах, в которых, во-первых, министерства и ведомства стремились минимизировать расходы на неосновные виды деятельности (включая «социалку»), во-вторых, на территории которых сталкивались интересы разных экономических субъектов, и многие города превращались в совокупность рабочих кварталов при предприятиях, поселковых территорий (аналогов дореволюционных слобод), застраиваемых разными ведомствами и мало связанных между собой.

Понятно, что в чрезвычайных условиях форсированной индустриализации или, например, массовой эвакуации промышленности и населения во время войны производственные (прежде всего, военно-промышленные) задачи приобретали гипертрофированное значение, чему полностью подчинялось формирование городов. Лишь постепенно осознается необходимость регулирования градостроительства и развития городов как целостных территориальных комплексов, включающих производственную, жилищную, социальную, культурную и т.д. среды, обеспечивающие не только реализацию общегосударственных и ведомственных экономических планов, но разносторонние потребности местного населения. Характерно, что в военном 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, на который возлагались задачи послевоенного регулирования восстановления и реконструкции городов, после войны составляли руководства по городской планировке и застройке. Однако эффективного механизма планировки и строительства, которые бы гармонизировали местные городские и хозяйственно-ведомственные интересы, так и не было создано. Например, даже должность главного архитектора к середине 1960-х гг. была

введена лишь в наиболее крупных городах страны – в трети от общей численности городов, планировка городов отставала от потребностей строительства, тормозилась сложной иерархией государственного контроля проектов, нарушалась несанкционированным строительством и т.д. Друг с другом сталкивались разные системы застройки городов – через архитектурно-градостроительные органы и систему ведомств. [Малкова, 2015. С. 403–410].

Именно форсированная индустриализация более чем на полвека определила основные тенденции урбанизационного процесса в СССР. Но и некоторые идеологические постулаты советской власти (трансформированные в конкретные направления политического курса) стали детерминировать ряд аспектов городской политики. Таких основных, влиятельных идеологем было как минимум три.

1) Идеологема о пролетариате, переросшая в идеологему индустриального рабочего класса как главной социальной опоре власти (в союзе с трудовыми слоями крестьянства) влияла на структурно-содержательный и институциональный аспекты урбанизации. Идеологема являлась дополнительным аргументом, стимулировавшим форсированную индустриализацию, строительство и развитие городов, прежде всего, крупных промышленных центров. При придании городского статуса небольшим (а иногда и средним) поселениям, особенно в первые постреволюционные годы, решающее значение имело наличие среди жителей значительного контингента рабочих, прежде всего, промышленных, считавшихся главной социальной опорой власти, а отсутствие промышленности и низкий процент рабочих были аргументом за лишение прежнего статуса многих даже старинных городов.

2) В сфере межнациональных отношений курс на сближение «социалистических наций» воплощался, в частности, в политике выравнивания уровня их социально-экономического развития и стимулировал размещение индустриальных производств в союзных и автономных национальных республиках. Данный аспект национальной политики оказывал большое влияние на урбанизацию регионов страны (влияние на пространственный аспект урбанизации, формирование системы расселения). Она проявлялась, в частности, в перераспределении финансовых, технологических, людских ресурсов из центральных и западных, в основном русско-населенных территорий (и в целом РСФСР), в национальные республики. Эта политика включала создание и развитие в национальных республиках и регионах городов, размещение там производительных сил, а так как местное национальное население часто неохотно шло работать на заводы и фабрики, переселение подготовленных в центре собственно русских квалифицированных кадров (и людей русской культуры) на национальные окраины. Политика практиковалась и в период индустриализации 1930-х гг., и много позднее – вплоть до 1980-х гг.

Эта политика дополняла (не совпадая с ним) курс, продиктованный геополитическими и оборонными соображениями, по формированию индустриальной базы в восточных, южных и северных регионах страны.

3) Идеологемы преодоления социальных различий, сближения рабочего класса и крестьянства, города и деревни стимулировали курс (непоследовательный и противоречивый) на индустриализацию деревни, на агропромышленную интеграцию, на укрупнение части сельских поселений с последующим преобразованием многих из них в поселки и малые города. На более поздних этапах советской истории они косвенно влияли на поощрение формирования агломераций, включавших в свою орбиту, в том числе, сельские поселения и малые поселения городского типа.

Таким образом, общий экономический механизм советской урбанизации с конца 1920-х гг., в основе которого было планово-централизованное размещение производств и обеспечивавшей их работу инфраструктуры, следствием чего было формирование поселений, дополнялся и корректировался идеологическими факторами, влиявшими на городскую политику.

Динамика и результаты советской урбанизации

Дореволюционная урбанизация в России, при относительно высоких темпах в поздней имперской период, не успела выйти из начальной стадии урбанизационного перехода. Весьма скромны ее успехи на фоне других стран: уровень России к 1913 г. в 18% горожан в составе населения (более половины которых можно считать таковыми условно) был превзойден США в 1850-х гг., а Нидерландами и Англией – еще в XVIII веке [Харитонов, 1983. С. 8–9]. В российских результатах, достигнутых за счет массового перемещения крестьян в города, в большей степени успели реализоваться негативные, чем позитивные стороны урбанизации: маргинализация населения города и деревни явилась «социальным топливом» для «пламени» двух революций начала XX в.

Стартовые позиции советской урбанизации были крайне низкими. Мало того, что предреволюционная Россия оставалась преимущественно аграрной страной, а города – островами в крестьянском море. Большинство горожан являлись сельскими мигрантами, «новобранцами», горожанами в первом поколении, не способном в полной мере адаптироваться к городским условиям, освоить городские культуру, навыки труда и быта. Мировая война, революция, гражданская война еще более усугубила положение: они катастрофическим образом сказались на положении российского города, отбросив его далеко назад. Были подорваны его экономические основы: объем промышленного производства по сравнению с 1913 г. упал в 7 раз, [Абалкин, Иванов, 2007. С.10], городское население с 1913–1920 гг. на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн человек, или на 26,7%, а доля горожан в составе населения – с 17,9% в 1913 г. до 15,3% в 1920 г. [Московский, Исупов, 1984. С. 27]. Произошла частичная дезурбанизация страны.

Особенно ощутимы потери городского населения были в европейской России, в наиболее крупных промышленных центрах, пострадавших от экономической разрухи. С 1917–1920 гг. все городское население региона сократилось на четверть (9,2 млн в 1920 г. против 12,7 млн в 1917 г.), а Москва и Петроград потеряли около половины жителей¹. Но важнее этих количественных показателей стоящие за ними процессы: за годы революционной катастрофы резко сократилось социальное городское ядро (гибель и эмиграция «бывших», бегство в деревню от голода других горожан, включая мещан и кадровых рабочих, и др.)

Советский урбанизационный процесс, при всех качественных и количественных отличиях, несомненно, стал продолжением имперской урбанизации, унаследовал от нее начальный уровень (хотя к концу гражданской войны была утрачена значительная часть и без того немногочисленного городского населения), сформированную сеть городов (более половины которых лишь формально имела городской статус), ряд традиций городского развития. Но был прерван ряд прежних важных городских устоев (рыночные отношения в экономике города, многосословность городского населения, значительное влияние горожан на жизнь своих поселений через институты самоуправления и др.)

Не способствовали быстрому возрождению городской жизни и унаследованные советской урбанизацией от имперской основные фундаментальные внешние условия развития, которые были для нее в основном неблагоприятны: особенности вмещающего пространства – разнообразие природно-климатических зон при преобладании неблагоприятных для жизнедеятельности регионов, громадность территории страны при средней низкой плотности населения, снижающейся с запада на восток; многонациональность и разнообразие социокультурных параметров населения; неразвитость и низкая плотность транспортных путей; сложные геополитические и геоэкономические параметры страны и др.

Восстановление городов осуществлялось при жестком регулировании государством диктатуры пролетариата. Пример – городская реформа, проведенная в первые годы

¹ Рассчитано по: Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8.

Советской власти, когда был пересмотрен состав городов, 106 из которых преобразовали в сельские поселения, 36 – в поселки городского типа, а 182 поселения, преимущественно фабрично-заводских, получили городской статус [Константинов, 1947]. Этот пример показывает, что, несмотря на демонстративное противопоставление дореволюционному обществу, советская урбанизация все же унаследовала ряд ключевых традиций городского развития, включая решающую роль центральной власти в образовании (и ликвидации!) городов, то есть традиционную матрицу градообразовательной политики, в которой решающую роль играла воля центральной власти, ставящая задачи собственной внутренней безопасности (а несколько позже – и внешней обороны) на первое место, а интересы «территорий» – в разряд последних. Советская власть продолжила политику жесткого контроля территорий с помощью сети городских поселений, которым обычно придавались административные функции. При большевиках такие центры создавались из поселений с фабрично-заводским населением: власть размещала территориальные органы управления в местах концентрации своей «социальной базы». Тогда же закладывался и концептуальный подход государства к городам как к местам размещения производства, преимущественно промышленности, инфраструктуры, транспортных узлов.

НЭП, ожививший торговлю и промышленность и включивший, хотя бы частично и временно, ряд механизмов саморегуляции общественных структур, дал толчок возрождению городов. К середине 1920-х гг. в основном было восстановлено довоенное соотношение численности сельского и городского населения. Однако даже к 1926 г. восстановить дореволюционную численность горожан не удалось (1913 г. – 28,4 млн, 1926 г. – 26,3 млн), хотя некоторые регионы и целые республики превысили этот уровень².

Однако НЭП был обречен: в его условиях происходило преимущественно *восстановление* городов, их функциональных возможностей, тогда как потребности обороны и задачи укрепления социальной базы власти (при сложных отношениях с крестьянством) требовали форсированного создания многочисленных индустриальных центров с мощными контингентами промышленных рабочих.

Со свертыванием НЭПа (элементов рыночных отношений) и переходом к первым пятилеткам «социалистического строительства» парадоксальным образом возродились и усилились имевшие место еще в позднеимперский период капиталистической индустриализации России тенденции, выводившие экономические факторы в разряд ведущих как при зарождении молодых промышленных городов, так и в развитии старых. В советских условиях индустриализация (социалистическая, государственная) превратилась в главный мотор урбанизации.

Форсированная социалистическая индустриализация с конца 1920-х гг. не просто стимулировала новый подъем городского развития, но и обеспечила рывок, обусловивший радикальный поворот в урбанизационном процессе. Социалистическая индустриализация и урбанизация оказались взаимосвязаны. Механизмы урбанизации во многом оказались иными, нежели в дореволюционное время и даже в период НЭПа, однако ключевые явления и результаты были аналогичны (перемещение селян в города, рост городской сети, отраслевая трансформация экономики в пользу городских отраслей, распространение городского образа жизни, ценностей и менталитета и т.д.). Иными стали скорость, масштабы, глубина изменений, продвижение урбанизации на дальние, в том числе национальные окраины страны.

В условиях СССР закономерный процесс концентрации ресурсов (людских и материальных) в городах оказался гипертрофированным и сжатым во времени вследствие как объективного положения страны в первой половине XX в., так и из привнесенных советской системой, в том числе спецификой индустриализации (планово-мобилизационный

² Там же.

характер при ограниченности и жесткой экономии ресурсов, предельный контроль и распоряжение ими из центра и др.) [Сенявский, 2003].

К переписи 1926 г. в СССР насчитывалось 737 городов. Позднее градообразование шло неравномерно. Нередким был разрыв между реальным развитием поселения и приданием ему городского статуса, что могло происходить и с опережением, и с запаздыванием относительно реальных процессов. Так, за период 1927–1937 гг. был образован 101 новый город, а за один 1938 г. – 139 городов (накануне переписи 1939 г. – для повышения статистических показателей успехов соцстроительства). В последующие годы в среднем возникало по два-три десятка городов ежегодно, редко больше [Ланно, 1987. С. 62]. В основном городской статус придавали уже существовавшим поселкам с несельскохозяйственной ориентацией, ранее утратившим свой городской статус поселениям, районным центрам и др., преимущественно на базе роста промышленности и населения. Но нередко города возникали в чистом поле на базе промышленных новостроек.

Существенно более высокими темпами росли города и городское население ряда регионов страны. Так, в 1926 – 39 гг. среднегодовые темпы роста городского населения по СССР составляли 9,4%, а в Сибири – 17,7%. Там численность горожан выросла более чем в 3 раза, тогда как все население – в 1,2 раза, причем основную роль играла миграция как из сибирского села, так и из других регионов. Высокие темпы позволили Сибири к 1939 г. приблизиться к средним показателям процента горожан в составе населения (СССР – 31,7%, РСФСР – 33,5, Сибирь – 28,9%) [Московский, Исупов, 1984. С. 23–58].

Значимый сдвиг всей сети городских поселений в годы первых пятилеток (1927–1938 гг.) происходил на восток и север. Так, более чем на 10% в год увеличивалось население городов почти всех регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, Кемеровской и Новосибирской областей, Восточного Казахстана. Еще более высокими темпами росло городское население Севера. Например, в Мурманской области оно увеличилось в 14 раз, в Камчатской – в 17 раз и т.д.³

Весьма различались темпы роста городов разных экономических категорий. Форсированная индустриализация стимулировала большую неравномерность урбанизации. Ограниченные ресурсы централизованно распределялись в первую очередь на главные новостройки и в административные центры. Тем самым наибольший импульс ускоренного развития был дан крупным городам, тогда как большинство малых и средних развивалось существенно медленней. В 1930-е гг. особенно высокими темпами росли города – центры угледобычи, черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения. Значительная часть «стотысячников» выросла по сравнению с серединой 1920-х гг. в два, три и более раз, причем некоторые фактически были созданы почти «с нуля» (Караганда – в Казахстане, Новокузнецк, Магнитогорск, Мурманск, Дзержинск – в РСФСР и др.) Развитие промышленности было главным стимулятором роста городов, перераставших в категорию крупных.

Завершение крупнейших новостроек, сокращение объемов строительства снижали темпы городского развития. С середины 1930-х гг. такие тенденции были характерны для Москвы и Ленинграда, затем – Горького и Свердловска. Но в целом высокие темпы роста численности горожан сохранялись высокими вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В кратчайший срок (1926 – 1939 гг.) городское население выросло более чем вдвое (в СССР с 26,3 млн до 60,4 млн, в т.ч. в РСФСР – с 16,4 до 36,3 млн), преимущественно за счет сельской миграции⁴. Города захлестнула волна переселенцев, вливавшихся прежде всего в ряды индустриальных рабочих. Но полноценная адаптация к городской жизни

³ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 39.

⁴ Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8.

происходит лишь во втором – третьем поколениях. В результате происходило «окрестьянивание» города, перенасыщение его маргинальными слоями, выброшенными из привычной среды, но несориентированными в новых условиях, к тому же оказавшимися в общежитиях и коммуналках, в наемных работниках у государства. Однако негативные стороны этих процессов (в отличие от империи) в значительной степени компенсировались социальной политикой, способствовавшей ускоренному включению работников предприятий и членов их семей в городскую жизнь. Эффективно работала целая система профессиональной подготовки кадров, повышения уровня образования и культуры, интеграции в трудовые коллективы и в жизнь страны через разнообразие общественных организации, и т.д.

Великая Отечественная война имела неоднозначные последствия для урбанизации. С одной стороны, прервав мирное созидание, вызвав огромные материальные и людские потери, разрушение сотен городов в западных, центральных и южных регионах страны, затронутых боевыми действиями и оккупацией, война отбросила там урбанизационный процесс. С другой стороны, вглубь страны в кратчайшие сроки было эвакуировано более 10 млн человек и более 2 тыс. предприятий с оборудованием [Абалкин, Иванов, 2007. С. 13]. Тем самым война вызвала перемещение градообразующей промышленной базы на Восток, включая Урал, Сибирь, Среднюю Азию, с последующим сохранением и развитием новых индустриальных центров.

В послевоенные и в 1950-е гг. был закреплен произошедший ранее сдвиг на Восток. Форсированное восстановление народного хозяйства стимулировало дальнейшее развитие городов. За 1940-е – первую половину 1950-х гг. численность работников промышленности Урала, Сибири и Дальнего Востока удвоилась⁵. В некоторых регионах городское население выросло многократно: республики Коми – в 16 раз, Сахалина – в 10, Магаданской области – в 6 раз. На Урале рост составил 2,2 раза. Определенный сдвиг в структуре городского расселения произошел на Север.

Значительный миграционный приток в города западных областей ушел в основном на компенсацию военных потерь. В период 1940–1950-х гг. численность горожан большинства территорий европейской части страны выросла в 1,3–1,5 раза, что было существенно меньше большинства восточных регионов. Усилилась тенденция выравнивания регионов по уровню урбанизированности, хотя различия между отдельными республиками, а также внутри РСФСР сохранялись значительные.

В послевоенное время постепенно меняется соотношение производственной и административно-политической функций в росте крупных городских центров, а с конца 1950-х замедляются темпы роста чисто промышленных городов.

В середине – конце 1950-х гг. появилась новая тенденция: начавшаяся либерализация («оттепель») вызвала к жизни усиление социальной ориентации политики. В городском развитии это проявилось в размахе жилищного строительства, переводившегося на индустриальные методы, в развитии социальной инфраструктуры, сферы обслуживания. Вместе с тем, сохранились основные механизмы городского развития, подчиненные ведомственным интересам и часто игнорировавшие потребности территорий. Многие города оставались приложением к производственным предприятиям.

На динамику населения в отдельных регионах влияние оказало освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг., где с 1939–1959 гг. городское население увеличилось в 3,7 раза, а доля горожан – с 16 до 32%, то есть вдвое⁶.

К периоду 1960–1980-х гг. относится постепенное завершение в СССР экстенсивной стадии урбанизационного процесса, на которой высокими темпами росли численность

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1956 г.: Стат. ежегод. М., 1957. С. 28-41.

⁶ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 41.

и удельный вес городского населения в основном за счет массовых перемещений из села в город либо преобразований сельских поселений в городские.

Численность городского населения с 1897 г. (первая перепись населения) по 1990 г. выросла более чем в 10 раз, с 18,4 до 190,6 млн, что с учетом двух военных потрясений и жертв (1914–1920 и 1941–1945 гг.) еще более впечатляет. Удельный вес горожан в составе всего населения также претерпел количественные и качественные изменения (1897 г. – 15%, 1913 г. – 18, 1922 г. – 16, 1940 г. – 33, 1950 г. – 39, 1970 г. – 56, 1990 г. – 66%)⁷.

Если в начале XX в. Россия по степени урбанизированности находилась примерно на среднем мировом уровне (в 1900 г. удельный вес городского населения в мире составлял около 13,6%) [Пивоваров, 1976. С. 22], то уже к началу 1960-х гг. СССР был среди стран, в которых доля городского населения превысила половину всех жителей, а страна в целом приблизилась к среднеевропейским показателям.

Происходило последовательное исчерпание источников экстенсивного развития урбанизации. Изменение источников роста численности и удельного веса городского населения, характеризующее постепенный переход в новое качество – от преобладания экстенсивных к интенсивным изменениям, является важным показателем урбанизационного процесса. Вплоть до 1960-х гг. преобладающими источниками роста численности горожан были факторы экстенсивного роста – миграция и преобразование сельских населенных пунктов в городские (в 1927–1938 гг. – 82,2%, в 1939–1958 гг. – 79,8%), а позднее удельный вес самовоспроизводства городского населения радикально возрастает – по сравнению с периодом 1939–1958 гг. (20,2%) – сначала (в 1959–1969 гг.) более чем в два раза, а в 1979–1988 гг. – почти в три раза, став основным источником роста (57,5%)⁸. Последовательно для роста городского населения сокращалось значение миграции из села и преобразования сел в города, достигнув минимума в 1979–1989 гг.: на миграционный приток приходилось 8,9 млн человек, или 35,3%, а на преобразование сел в города – лишь 1,8 млн (7,2%)⁹.

Существенно изменилось соотношение городов разной величины. Так, удельный вес городов с числом жителей до 50 тыс. сократился в общей численности городов с 87,2 до 73,6%, то есть на 13,6%, тогда как доля всех прочих, более крупных городов, увеличилась: городов размерами от 50 до 100 тыс. жителей с 8,5 до 12,9%, от 100 до 500 тыс. жителей – с 3,9 до 10,9%, от 500 тыс. и выше – с 0,4 до 2,7%. Если в 1926 г. было всего лишь 3 города, насчитывавших более 500 тыс. жителей (Москва, Ленинград, Киев), то в 1989 г. общее их число составило 57, причем 23 из них – с населением свыше 1 млн¹⁰.

Еще более ярко характеризует урбанизацию в СССР динамика численности городского населения по категориям городских поселений. Так, если численность жителей всех городских поселений выросла с 1926 г. по 1989 г. с 26,3 до 188,8 млн, или в 7,2 раза, то численность жителей городов – в 7,6 раза, с 21,7 до 164,7 млн. При этом наибольшими темпами росли численность и удельный вес крупных городов, с численностью жителей 500 тыс. и более, особенно «миллионников», меньшими темпами – городов от 100 до 500 тыс. Росла численность жителей и меньших по размерам городов, однако доля их в составе всех горожан неуклонно уменьшалась. Так, за 1926–1989 гг. удельный вес горожан, проживающих в городах категории до 50 тыс., уменьшился в составе жителей всех категорий городов

⁷ Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 9; Народное хозяйство СССР. 1922–1972: Юбилейный стат. сб. М., 1972. С. 9; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 67.

⁸ Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 31; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 8.

⁹ Рассчитано по: Население СССР. 1988: Стат. ежегод. М., 1989. С. 3.

¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962. С. 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1980. С. 122; Население СССР. 1988: Стат. ежегод. М., 1989. С. 4.

с 36,9 до 19,1%, в категории от 50 до 100 тыс. – с 18,9 до 11,6%. Жители городов категории от 100 до 500 тыс. составили соответственно 24,9 и 30,9% среди всех жителей городов, а свыше 500 тыс. – соответственно 19,4 и 38,5%¹¹. Следует отметить неравномерность развития городов разных категорий: почти все из них характеризуются ростом численности жителей, многие за несколько десятков лет неоднократно переходили в более высокую категорию, но, если для малых городов процесс снижения удельного веса их жителей в составе горожан стабилен и ярко выражен, то для других были периоды спада и подъема, хотя и небольшого.

Вместе с тем даже по формальным показателям уровня урбанизированности СССР отставал от наиболее развитых стран на несколько десятилетий. Так, в начале 1960-х гг. горожане составили половину жителей страны, а США прошли этот этап в 1920 г.

Концентрация в рамках агломераций более половины городского населения тоже своеобразный рубеж в урбанизационном процессе. Городская агломерация – это не простая совокупность населенных пунктов, а единое целое, объединяющее также и пространство между ними, относящееся к другим территориям как бы к внешней среде, это компактная территориальная система городских и сельских поселений с многообразными интенсивными локальными связями. В составе агломерации город представляет часть системы, играет роль ее элемента и в зависимости от величины, мощности производственного потенциала, набора функций, людности и других показателей может являться ядром агломерации. Агломерация одновременно играет роль и локальной системы расселения, и формы территориальной организации экономики. Целостной ее делают внутриагломерационные связи, в том числе производственные, передвижение населения (маятниковые, трудовые, культурно-бытовые, рекреационные поездки) и др. [Лаппо, 1978]. Существуют полярные оценки исследователями агломерации, ее роли в современном обществе как формы расселения: одни считают ее результатом стихийного развития, болезнью расселения, другие, – что «промышленно-городская агломерация – оптимальная форма городского расселения» [Светличный, 1974. С. 141]. Так или иначе, агломерацию приходится считать закономерным явлением, присущим урбанизации на определенном этапе ее развития во всем мире. Агломерирование является территориальным проявлением концентрации производства и населения, выходящей за рамки отдельных городов. Как система расселения агломерация получает распространение в послевоенный период. К 1959 г. в СССР насчитывалось 193 городские агломерации с более чем 2000 городских поселений и почти 114 млн жителей. Численность населения за 20 лет (1959 – 1979 гг.) в агломерациях возросла в 1,7 раза, причем этот процесс поглотил $\frac{3}{4}$ прироста городского населения страны [Лаппо, 1987. С. 122 – 123]¹². Процесс агломерирования в СССР был в русле общемировых тенденций: так, в США к 1970 г. агломерации сосредоточивали 80% городского и 68% всего населения страны, а СССР двигался в том же направлении, но с запозданием на несколько десятилетий.

Таким образом, по наиболее общим показателям уровня урбанизированности СССР к 1960–1970-м гг. приблизился к среднеевропейским (процент городского населения, концентрация в крупных и больших городах, развитие агломераций и др.) и существенно сократил разрыв с наиболее урбанизированными странами. Территории РСФСР, сначала несколько отставая от среднесоветских показателей урбанизированности (процент городского населения), к 1926 г. сравнялись с ними, в результате индустриализации к 1939 г. несколько превзошли (33,5 против 31,7% по СССР), а к 1990 г. существенно опередили (73,8

¹¹ Там же.

¹² Г.М. Лаппо считает агломерацию наиболее зрелой формой расселения. См. [Лаппо, 1978. С. 105].

против 66,0% по СССР)¹³. И здесь индустриальное развитие сыграло решающую роль: на территории Российской Федерации, имевшей больше ресурсов, сырья, подготовленных кадров, она продвигалась более высокими темпами, в том числе и в градостроительстве.

Город как источник и база позднесоветской трансформации

Общая динамика урбанизационного процесса в XX в. показывает, что за исторически короткий срок, в основном в рамках советской системы, количественные изменения привели к новому качеству общества: был совершен не только индустриальный, но и урбанизационный рывок, изменивший всю структуру производительных сил и ее пространственного размещения, всю систему расселения страны. За 7 советских десятилетий Россия превратилась из преимущественно аграрной в индустриальную, и на этой основе урбанизация страны продвинулась значительно дальше, чем за предшествующее тысячелетие. Произошел «урбанизационный переход» – превращение российского общества из сельского в городское, урбанизированное.

Городской стала и экономика. Именно в городах формировались и концентрировались виды деятельности и отрасли хозяйства, определявшие научно-технический прогресс, а с 1960-х гг. создавалась доминирующая часть ВВП, проживало большинство населения.

За этой общей характеристикой урбанизационного процесса в СССР стоит глубокая трансформация всех общественных отношений и структур. Сама урбанизация приобретала в различные исторические периоды не только новые формы, но и свои общественные механизмы, новые движущие силы. Некоторые из них были едины и для Российской империи, и для СССР, другие – уникальны, характерны только для советской эпохи.

Становление городского общества являлось одним из важнейших «синтетических» результатов советской истории, выходящим далеко за рамки собственно системной эволюции и трансформировавшим общество на более глубоком, фундаментальном уровне. Советский город создавался и двигался индустриализировавшейся экономикой, он же являлся для нее пространственной и социальной средой. Накопление количественных изменений в ходе урбанизационного процесса создавало новое качество в экономической, социальной, культурной сферах.

Вместе с тем именно город явился главным средоточием проблем и противоречий советской системы. Он же стал источником и базой крайне противоречивых перемен, стартовавших со второй половины 1980-х гг., в том числе в основном негативно повлиявших и на перспективы постсоветского урбанизационного процесса.

Еще в 1970-х гг. советская экономика в условиях новых технологических прорывов оказывалась невосприимчива к научно-техническим достижениям, а научно-технические инновации редко повышали экономическую эффективность. Уровень и качество жизни не удовлетворяли значительные слои населения, особенно крупных городов. Новые слои образованных, культурных горожан уже не устраивали примитивные идеологемы, проросшие корнями из 1920–1930-х гг., информационная закрытость общества, диктат партийных функционеров во всех областях жизни. Городское общество 1980-х созрело для того, чтобы отказаться от закостеневшей и обветшавшей общественной модели. Однако, как и в 1917 г., на новом витке исторического развития, оно не доросло до того, чтобы выбрать конструктивный путь для выхода из кризисного состояния, тем более что процесс возглавили все те же партийно-хозяйственные функционеры и примкнувшие к ним деструктивные категории с интересами, далекими от национально-государственных.

¹³ Рассчитано по: Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8; Население СССР. 1988: Стат. ежегод. М., 1989. С. 8–9; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.И., Иванов Е.А. (2007). Судьбы, противоречия и периодизация советской экономики // Экономическая история СССР. М.: Инфра-М. С. 4–21.
- Константинов О.А. (1947). Изменения в географии городов СССР за советский период // Вопросы географии. Сб. 6. М.:ОГИЗ. С. 11–46.
- Латто Г.М. (1987). Города на пути в будущее. М.: Мысль.
- Латто Г.М. (1978). Развитие городских агломераций в СССР. М.:Наука.
- Малкова И.Г. (2015). Города Урала: опыт регулирования градостроительного развития // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, Курганский Дом печати. С. 403–410.
- Московский А.С., Исупов В.А. (1984). Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука.
- Пивоваров Ю.Л. (1976). Современная урбанизация. М.: Статистика.
- Светличный Б.Е. (1974). Планирование градообразующих процессов и проблемы расселения // Плановое хозяйство. № 9. С. 140–144.
- Сеньявский А.С. (1987). Социальная основа СССР. М.: Мысль.
- Сеньявский А.С. (1995). Российский город в 1960–1980-е годы. М.: ИРИ РАН.
- Сеньявский А.С. (2003). Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука.
- Харитонов В.М. (1983) Урбанизация в США. М.: Изд-во МГУ.

Сеньявский Александр Спартакович

senyavsky@yandex.ru

Alexandr Senyavskiy

doctor habilitatus in history, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

senyavsky@yandex.ru

URBANIZATION PROCESS IN USSR IN THE ECONOMIC MEASUREMENTS: STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Abstract. The Russian urbanization process in the twentieth century was implemented mainly within the framework of the Soviet system. The revolutionary catastrophe of 1917 brought down the imperial structures and institutions, led to economic ruin and partial deurbanization. However, social chaos was restructured on new foundations, liberating the social energy of the majority of the population, which consisted of the earlier “lower classes”, and directing them to solve modernization problems under the slogans of socialist construction. Soviet “ideocratic” statehood with new norms and practices has become a key institution that determines the content and pace of transformation, including economic development.

For all the differences, Soviet urbanization was successive imperial. The fundamental difference was the dominance of economic under the influence of some ideological factors. After curtailing the “compromise” NEP, unable to provide an industrial breakthrough, the USSR switched to a regime of accelerated development on the basis of a planned mobilization model for solving the strategic task of overcoming the technical and economic lag behind the hostile “imperialist powers.” Under these conditions, urbanization developed depending on the location of “productive forces” in space.

Over the 7 Soviet decades, urbanization of Russia has moved much further than over the previous millennium. On the basis of the transformation of the economy from predominantly agrarian to industrial, an “urban transition” took place – the transformation of society from rural to urban. The economy has also become urban. It was in the cities that the types of activity and branches of the economy were formed and concentrated, which determined scientific and technological progress, and since the 1960s, the dominant part of the GDP was created, the majority of the population lived.

It was the city that was the main focus of the problems and contradictions of the Soviet system. It also became the source and base of extremely contradictory changes that started in the second half of the 1980s, including mainly negatively affecting the prospects of the post-Soviet urbanization process.

Keywords: *Soviet city, economy, forced development, planned mobilization model, urbanization process, urban society*

JEL Classification: N53, N54, N93, N94, R12.

REFERENCES

- Abalkin L.I., Ivanov E.A.* (2007). Sud'by, protivorechiya i periodizaciya sovetskoj ekonomiki // Ekonomicheskaya istoriya SSSR [Fates, contradictions, and periodization of the Soviet economy // Economic History of the USSR]. M.: Infra-M. Pp. 4–21.
- Kharitonov V.M.* (1983). Urbanizaciya v SSHA. [Urbanization in the USA. M.: Publishing House of Moscow State University]. M.: Izd-vo MGU.
- Konstantinov O.A.* (1947). Izmeneniya v geografii gorodov SSSR za sovetskij period // Voprosy geografii. Sb. 6. [Changes in the geography of cities of the USSR during the Soviet period // Questions of geography]. M.: OGIZ.
- Lappo G.M.* (1978). Razvitie gorodskih aglomeracij v SSSR. [Development of urban agglomerations in the USSR]. M.: Nauka. Pp. 11–46.
- Lappo G.M.* (1987). Goroda na puti v budushchee. [Cities on the way to the future]. M.: Mysl'.
- Malkova I.G.* (2015). Goroda Urala: opyt regulirovaniya gradostroitel'nogo razvitiya // Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. [Cities of the Urals: experience in the regulation of urban development // Historical urbanism: past and present of the city]. Kurgan, Kurganskij Dom pečati. Pp. C. 403–410.
- Moskovsky A.S., Isupov V.A.* (1984). Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926–1939 gg.). [Formation of the urban population of Siberia (1926–1939)]. Novosibirsk: Nauka.
- Pivovarov Yu.L.* (1976). Sovremennaya urbanizaciya. [Modern urbanization]. M.: Statistics.
- Senyavsky A.S.* (1987). Social'naya osnova SSSR [The social basis of the USSR]. M.: Mysl'.
- Senyavsky A.S.* (1995). Rossijskij gorod v 1960–1980-e gody. [Russian city in the 1960–1980s] M.: IRI RAN.
- Senyavsky A.S.* (2003). Urbanizaciya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom processe. [Urbanization of Russia in the 20th Century: Role in the Historical Process]. M.: Nauka.
- Svetlichny B.E.* (1974). Planirovanie gradoobrazuyushchih processov i problemy rasseleniya // Planovoe hozyajstvo. № 9. [Planning of city-forming processes and problems of resettlement // Planning economy. No. 9]. Pp. 140–144.